

Наталия ЧЕРНЫХ

ПЕРЕМЕНА КУРСА

Геннадий Каневский. Всем бортам. – М.: Белый ветер, 2019. – 63 с. – (Tango Whiskyman)

Новая книга Геннадия Каневского намного лиричнее и аскетичнее, чем предыдущие: «Подземный флот» (NY: Ailuros Publishing, 2014) и «Поражение Марса» (там же, 2012); оба определения касаются прежде всего самих стихотворений, их строгости и ясности; по объему «Всем бортам» не особенно отличается от прежних, хотя она и меньше. Сборник «Сеанс» (М.: ТГ Иван-Чай, 2016) только упоминаю, так как это сборник, а «Всем бортам» и уже названные – именно что книги стихотворений. В новой, кроме уже знакомых нот, есть и непривычные. Для случайного читателя она будет привлекательна чистотой и остротой поэтического переживания, а знакомый с творчеством автора откроет для себя нечто неожиданное, что приплюсуется к уже известным достоинствам: оригинальному юмору стихотворений, тонкости их исполнения, к свойственной Каневскому эклектике регулярного и нерегулярного стихов; это действительно авангардный автор.

Здесь искушенный читатель вновь встречает все то, чем этот поэт так запоминается: странные морские путешествия, порой даже на Марс, от которых веет здоровой и недемонстративной хлебниковщиной («как будто бубня себе под нос / как будто летя с земли на марс / простое трехлетнее пой, матрос – в матроске и за руку – пой про нас»). Это узнаваемый по «Подземному флоту» песенный голос с, как мне видится, намеренно «грязным» включением (под нос – поднос): разбивка слова передает некий металлический звук внутри замкнутого пространства; хотя автору виднее.

В книге нет предисловия, а содержание расположено в самом начале, что для читателя удобно: можно погадать по книге, выбрать первое к прочтению стихотворение по первой строке. Каневский любит стихотворения без названия, и в этом есть очарование. Однако, считаю, книгу нужно читать последовательно, так как в ней есть четкий внутренний сюжет: от надежды, через последнюю попытку осуществления, к полному распаду, что иллюстрирует форма записи последнего стихотворения «[хамишим]» (так называется цифра 50 на иврите): пятьдесят строк, каждая строка пронумерована и тем самым как бы обособлена от других.

Стихи Геннадия Каневского настолько же необычны, насколько естественны; кажется, они пришли сами, без особого труда, хотя, возможно, автору было не по себе, когда их писал; внутреннее напряжение дает о себе знать то тут, то там; и в этом хороший парадокс: «1. // только ветер способен разговаривать с ветром // 2. // И когда ты прилег между ними / в середине...». Свобода и напряжение – я бы сказала, что это девиз книги.

Свобода позволяет переходить без ущерба от рифмованного стиха к нерифмованно организованному и обратно; создавать внутри одного стихотворения причудливую композицию из звуков и ритма (например, посвящение «ек. с.», очень интересный диптих, который мне видится ядром книги («...привези мне папенька плод / с дерева иггдрасиль...»)). Внутреннее напряжение ходит по всей книге молниями, и читателя на перебивах (я бы использовала музыкальный рок-термин: рифф; на риффах) стихотворений подбрасывает, как в трамвае, на хорошей скорости идущему по брусчатке.

И вот здесь лицо стихотворений Каневского, знакомого читателю, начинает изменяться. Густо-уплотненный, стремящийся к критической массе «Подземный флот» с его веселыми ужасами, с почти истошной, но сильной надеждой, с выведенным на ощупь горизонтом исчез. Напористое, полное хтонической, жарко-ледяной Москвы «Поражение Марса» (хотя и в «Подземном флоте» тоже есть стихи о Москве, но первая книга, на мой глаз, все же ярче московская) перешло в пронзительную, утонченную до резкости, почти

несвойственную в этом ее виде Каневскому, суховатую ностальгию («...здесь близ чистых прудов где череда чаепитий по анфиладам комнат...»).

И это при том, что Каневский поэт вполне ностальгический, это поэт видений детства, поэт воспоминаний, манипулирующих нынешним днем. Но «Всем бортам» насквозь поражает лиризмом. «Подлинный» в последнее время слово спорное, оно может уменьшить рейтинг поэта, так как «подлинный» значит в нынешнем контексте «ретроградный», и с этим нужно жить, не оглядываясь на полубезумные возражения определенной страты коллег-литераторов. И тем не менее, если что и побудило меня написать этот текст о новой книге Геннадия Каневского, так это его новый лиризм. Шедевром книги, ее осторожным прекрасным камертоном считаю стихотворение «сколько градусов, цельсия?»:

***

сколько градусов, цельсия? –
спрашивает фаренгейт.

нежная цельсия
медлит с ответом.
подходит.

гладит его по щеке.

кончики пальцев её
холодны.

щеке фаренгейта,
горящей от жара
внутренних
запрещённых земель,
тайных пустынь
и секретных вулканов,

это приятно.

В этом лиризме есть загадка. При чтении книги я намеренно уводила себя от сравнений, но мне это плохо удалось. В самой противоположности предметов, с которыми сравнивала стихотворения, была логика. «Всем бортам» как название вызвало ассоциацию с поэтической сюитой Сергея Завьялова 2007 года «Последняя запись в судовой журнал»; и там, и там – тема трагедии, тема деградации и разрушения. Завьялов смотрит на историю бывшего своего отечества через призму античности; взгляд Каневского в «[железнодорожной сюите]» тоже отстранен, он идет через литературно-мемуарный фильтр.

Сергей Завьялов. Последняя запись в судовой журнал:

«особенно же неуместно выговаривать имена богов: Зевс, Посейдон, Феб (как в детской книжке); это как тогда, на затопленных улицах Гераклиона: в случайном световом прорыве как они сверкнули, очистившись от собачьей и человеческой скверны (подвиг, достойный Геракла!), — а потом снова: ветер и дождь, ветер и дождь;

прервана навигация, отменены авиарейсы

чего мы ждем, сошедшись здесь на площади?»

Геннадий Каневский. [железнодорожная сюита]:

...любовался
на треск сухой и греческий огонь,
и все составы шли по всем дорогам,
и порох, прах, всё обратится в прах
когда-нибудь, так будем жить как номос,
как норд, как нож, как нобель, наконец.

Но и у Завьялова, и у Каневского история лирична, это прежде всего отношения человека к человеку. Второй момент: часть стихотворений книги вызвала воспоминания о поэзии тридцатых годов, которую в советской школе не преподавали: Борис Корнилов, Павел Коган, Павел Васильев. Сергей Завьялов активно интересуется советской культурой времени становления, так что перекрестная ассоциация вполне оправдана. Однако стихотворения Геннадия Каневского сделаны из очень новых материалов; они могли возникнуть только в наше странное образом растянутое и причудливое время.

«Всем бортам» для меня прекрасный образец знакомства с настоящей современной поэзией и просто невероятно красивая книга.

от любящих – нелюбящему: ты
летишь над нами в виде темноты,
но каждый день на две минуты позже.
так воздух-время отпускает вожжи,
так сводятся костлявые мосты.